

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационной работе Мишурина Александра Николаевича «Знание и власть в политической философии Лео Штрауса», представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности: 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки

Особое достоинство представленной работы в том, что в ней чётко поставлено ударение на величайшей значимости и актуальности весьма перспективного сейчас направления в политической мысли – исторической политологии. И Л.Штраус точно проследил и прецедентно-событийный, и идейно-аналитический, эпистемологический, эвристический аспекты такого подхода. Это тоже отмечено в диссертации и это тоже её несомненное достоинство. Очень важно и то, что А.Н.Мишурин честно и чётко ставит вопрос о применении, точнее, самой возможности применимости либерального релятивизма и индивидуализма в культуре вообще и в политике, в особенности. Уже сама такая постановка вопроса, несомненно, смелая и открытая, заслуживает внимания и уважения. Поэтому данная работа, конечно же, - самостоятельная и творческая. С автором хочется спорить – и не в плане обнаружения несоответствий, нестыковок, поиска противоречий и ошибок. А в плане высшего предназначения философского знания – глубинного истолкования сущностных сторон предмета исследования. В диссертации, точнее, в каждой её части показаны возможности дальнейших исследований. Это несомненное достоинство работы, поскольку показывает эпистемологический творческий потенциал роста научного знания, ресурсы основных подходов, соответствующих продуктивному решению проблемы. В этом плане именно такого типа творчество побуждает к диалогу, сотворчеству, синергии.

Особо удачно указание на экспертно-консультативные достижения политической философии Н.Макиавелли, которого, к сожалению, иногда воспринимают односторонне и в качестве апологета вероломной политики и

основателя (как и Т.Гоббса) «арифметики насилия». В работе отмечен именно информационный, идейно-аналитический как исторический ресурс и взглядов Н.Макиавелли, и Т.Гоббса. Впрочем, в плане анализа взглядов Штрауса и его внимания к творчеству этих мыслителей этот аспект автором мог бы быть и усилен. Несомненно, большего внимания заслуживает интерес и к Макиавелли, и к Гоббсу. Точнее, к подчёркиваемой ими значимости роли мыслительных предварительных установок политиков и граждан. Особенно тут показательна «теория меток» Т.Гоббса. Удачны и аналитические выкладки Мишурина по поводу творчества Макиавелли, который действительно пытался использовать историко-аналитический потенциал философии в изучении типов аргументаций. А, главное, мотиваций в мире политического. Повторяю, этот раздел диссертации – один из самых сильных.

Как справедливо отмечается самим автором, его исследование лишь первый шаг в систематическом изучении трудов Л.Штрауса и его идей, в частности в предпринятой реконструкции штраусианской модели истории философии, обращенной от Современности к Античности.

К основным научным результатам, полученным лично автором и подтверждающим научную новизну диссертационного исследования можно отнести следующие:

1. В первой главе «Философия и демократия» представлены авторские реконструкция и анализ штраусианского «метода внимательно чтения». Его истоков, значения и связи с методологией Ф. Ницше. Диссертант не только описывает влияние, которое оказал Ницше на Штрауса (такие попытки разной степени успешности предпринимались и ранее), но через эту связь определяет отношение Штрауса к концепции радикального историзма и философии М. Хайдеггера в целом.

В целом же, в данной главе автор пытается раскрыть штраусианское отношение к стратегии поведения института знания в современности,

которая открывается работами Н. Макиавелли, как к эпохе, в которой философия активно пыталась оказывать влияние на институт власти .

2. Во второй главе «Монархия и философия», диссертант использует воссозданный и уже опробованный им метод для анализа средневековой стратегии поведения института знания. В отличие от философов современности, средневековые представители института знания старались предстать не ведущими, а союзниками института власти. С этой целью И. Галеви, М. Маймонид и Аль-Фараби, в первую очередь представлялись сторонниками господствующего типа знания.

3. Наконец, в третьей главе «Олигархия и философия» соискатель раскрывает штраусинский подход к рождению философии, проблемы отношения знания и власти и античной стратегии решения этой проблемы, при которой институт знания ведом институтом власти. Интересным представляется здесь выбор авторов. Если описывать историю политической философии, от ее «конца» к началу, то общепринятой точкой отсчета, а в данном случае – завершения, будет фигура Сократа. Следовательно, можно было бы предположить, что в последней главе диссертант будет разъяснять штраусианский подход к решению проблемы отношения знания и власти через анализ трех источников знания о Сократе – Платона, Ксенофонта и Аристофана. Однако, в действительности место Аристофана занимает Фукидид, для которого проблема достоверности знания, его верификации в плане источниковедения стоит особо остро. Не только в смысле художественно-ассоциативной выразительности, занимательности и привлекательности. Но и в плане точного соответствия событиям, что имеет для политики особое значение. Особенно в геополитике. Выбор Мишурина совершенно оправдан. Напомню теоретико-методологические высказывания самого Фукидида, который считал, что большинство эллинов неправильно представляют себе многие события, даже современные, не изглаженные из памяти временем; и не ошибётся тот, кто рассмотренные события признает, скорее всего в том виде, в котором сообщается о них на основании

свидетельств: «кто в своём доверии не отдаст предпочтения ни поэтам, воспевшим эти события с преувеличениями и прикрасами, ни прозаикам, сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха: ими рассказываются события, ничем не подтверждённые и за давностью времени, когда они были, превратившиеся большею частью в невероятное и сказочное. Пусть знают, что события мною восстановлены с помощью наиболее достоверных свидетельств, настолько полно, насколько это позволяет древность их»¹.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что данное диссертационное исследование вносит определенный научный вклад в политическую науку и имеет фундаментальный характер – как в плане преемства традиций конструктивного знания, так и в инновационном смысле осмысления вызовов времени.

Вместе с тем, позволю себе высказать ряд замечаний и предложений:

- Следовало бы в самом тексте диссертации дать указанное во введении определение власти. Следовало бы особо рассмотреть проблему политического знания как особого типа рациональности с ярко выраженным управленческим, «менеджерским» ресурсом. Вряд ли можно согласиться с положением, в соответствии с которым инструментализация знания свидетельствует о его вторичности. Тогда всё естественнонаучное знание ставится под вопрос. И действительно, и у Штрауса, и в диссертации есть поводы, позволяющие считать политическое знание аналогичным морали и абстрактно-созерцательным по преимуществу. Впрочем, у того же Штрауса есть недвусмысленные указания на неуместность слишком сильного использования аксиологии, ценностных суждений в политике. «Value judgments – nonsense». И в этом плане сомнения вызывает крен в пользу Ницше, а не Макиавелли. Если говорить об историзме, как существенной особенности взглядов Л.Штрауса, то преимущества Н.Макиавелли с его

---

¹ Фукидид. История. М.: Академический Проект, 2012, с.16.

«Историей Флоренции» и «Рассуждениями о 1-й декаде Тита Ливия» - несомненны. Сам Л.Штраус в пользу истории и её роли в политике высказывался вполне определённо в своей очень важной работе «Политическая философия и история» - почему-то не рассмотренной в диссертации².

- В этом плане была бы уместна более развёрнутая критика Ф.Ницше. Особенно в том направлении, которое проявлено в творчестве С.Л.Франка, Т.Г.Масарика. А из новейших авторов – у Ж.Батая. А С.Н.Булгаков показал – самый последовательный ницшеанец – М.Штирнер, который не нуждался вообще ни в каком авторитете и «срхчеловечестве» кроме «я», «единственного».

- Мало обоснованы Мишуриным обильные религиозные аллюзии. Между тем, между миром политическим и миром религиозным много общего, Например, конклюдентность, направленность на заключение договора о действиях, т.е. соответствие как данность, или требование, или стремление жизни и знания, существования и завета, поведения и закона. Не будам забывать, что «берит», т.е. «завет» (в данном случае, не важно, Ветхий или Новый) – это и «Договор». В этом смысле, странен сюжет, в соответствии с которым: «Библия не учит ни чему, кроме веры в библию, в том числе, веры в историчность приведённых в ней событий» (с.33). Но есть александрийское, есть антиохийское богословие. А есть Иоанн Златоуст с его гимном сотериологии и тогда Библия очень нормативна, так как учит спасению души. Поэтому суждения о том, что для «религии труд – унижен» звучат по меньшей мере странно. Другими словами, если и приводить критику религии Спинозой, воспроизводимую Штраусом, то нужно, во-первых,, точнее увязать этот, безусловно, интересный сюжет с контекстом мира политического. Во-вторых, дать экспертную оценку-квалификацию взглядов, соответствующих Спинозе. А они имеют ариано-

---

² Strauss L. Political philosophy and history // The History of ideas/ New Jersey^ Baynes and Noble Books, 1983. См. также: Gunnell J. The myth of tradition // Ibid.

несторианские корни. А у Евномия и Цельса суть подобной аргументации выражена к тому же гораздо интересней. Но тогда (в-третьих), надо дать и контраргументацию Оригена и новоникейцев. Особенно Василия Великого, Иоанна Златоуста. А главное «философа философов» - Григория Нисского с их «симфонизмом», а вовсе не «секулярным мессианизмом» И уж конечно не «страхом перед адом, который хуже смерти» в духе того же Гоббса. Возможна не только «религия скорби» Тертуллиана и Августина, но и «религия радости» Серафима Саровского.

- Менее обоснован переход от Средневекового Востока к Платону, чем от Запада к Востоку. В любом случае, многие неясности здесь были бы сняты, если бы более чётко было показано: в рамках какой центральной проблемы прослежены эти сравнения. В данном случае, возможен ракурс, в котором устанавливаются границы возможных соответствий смысловых констант и необходимых реформ-модернизаций в виде знаний и информационных материалов. Здесь любые неточности, издержки или перекосы в ту или иную сторону чреватые эффектом, по справедливому замечанию Рорти и Александера, «информационного тупика». Это так называемая проблема допустимых пределов априоризма и релятивизма, универсализма и локального нарративизма. И в этом плане Платон и проанализированные Штраусом и Мишуриным авторы заслуживают всяческого внимания. А проведенный в данном исследовании анализ конечно хотелось бы, повторяю, отметить в виде существенного достоинства

- Учитывается (и в этом исследовательское право автора) только абстрактно-интерпретативный аспект проблемы. Но нет аспекта очень сейчас модного в политическом знании, связанного с делегированием полномочий. В этом плане власть по Штраусу, и по Мишурину, - только в виде института накладывающего санкции – рассмотрена недостаточно. Власть не только внешнее принуждение, но и внутреннее самоподчинение.

- Для более глубокого анализа проблемы можно было бы привлечь и других авторов, кроме Штрауса, (таких как Фуко, Вебер, Канетти и т.д.) или

хотя бы чаще ссылаться на них в тексте самой работы. У самого Л.Штрауса анализируются взгляды авторов, которые не рассматриваются в диссертации. Например, Аристотель, М.Т.Цицерон, И.Кант, Э.Кассирер, Э.Гуссерль, тот же М.Вебер, К.Поппер, А.Кожев.

Впрочем, сделанные замечания носят не императивный, а рекомендательный характер, являются пожеланиями и направлены на то, чтобы в будущей своей научной работе, имеющей высокий творческий потенциал, автор мог ещё более уточнить свою позицию.

Данные замечания, тем не менее, не могут оказать влияние на положительную оценку совершенного Мишуриным исследования, его результатов, практической и теоретической значимости.

Соискатель Мишури́н А.Н. свободно владеет темой, продемонстрировал глубокое знание как работ Штрауса на английском языке, так и оригинальных источников (трудов Ф. Ницше, Б. Спинозы, Н. Макиавелли, И. Галеви, М. Маймонида, Аль-Фараби, Платона, Ксенофонта и Фукидида), а также проявил навыки научного осмысления теоретико-методологических проблем. Содержание диссертации «Знание и власть в политической философии Лео Штрауса» полностью отражает название работы и специфику исследуемой темы, а также стимулирует дальнейшие исследования, которые могут касаться, как проблемы отношения знания и власти, так и философии Штрауса в целом.

Проведенное диссертационное исследование имеет реализуемую практическую значимость. Выведенные в работе положения, выводы и новации могут быть использованы в процессе дальнейших исследований проблемы отношения знания и власти. Реконструированная автором модель истории философии и ее содержание могут быть использованы в учебном процессе, при подготовке лекционных и специальных курсов по истории политических учений и политической философии.

Диссертационная работа Мишурина Александра Николаевича «Знание и власть в политической философии Лео Штрауса» является самостоятельным, завершенным, глубоким исследованием, отвечающим требованиям раздела II. «Положения о присуждения ученых степеней», в частности, пп. 9-10 упомянутого раздела, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки.

Официальный оппонент

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры философии политики и права
философского факультета

Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова

Виктор Иванович Шамшури

7 февраля 2015 г.

Подпись профессора В.И. Шамшурина заверяют
декан философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

В.В.Миронов

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова», философский факультет
119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус
«Шуваловский».

Тел.: +7 (495) 939-19-25

e-mail: info@philos.msu.ru